

Безменова Елизавета Сергеевна
преподаватель
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: bzmnv@gmail.com

Elizaveta Sergeevna Bezmenova
teacher
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: bzmnv@gmail.com

«I WILL KILL YOU»: МЕНАСИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГРОЗЫ В НАРРАТИВЕ

Статья посвящена лингвопрагматическому анализу менасивных предикатов как ядерных элементов речевых актов угрозы в художественном дискурсе. Демонстрируются семантико-синтаксические модели вербализации угрозы, их прагматические функции и роль в структуре нарратива. Особое внимание уделяется противопоставлению угроз-предупреждений, направленных на модификацию поведения адресата, и угроз-наказаний как актов возмездия за совершенные действия. Исследование демонстрирует, что, несмотря на ключевую роль менасивных предикатов в идентификации интенции, успешная реализация угрозы обеспечивается комплексом факторов: синтаксической структурой, паралингвистикой, широким контекстом и характеристиками персонажей. В заключении отмечается, что прямые угрозы с эксплицитными предикатами характерны для конфликтов, демонстрирующих властную доминанту, в то время как в иных ситуациях доминируют имплицитные стратегии.

Ключевые слова: менасивные предикаты; менасивные высказывания; речевой акт угрозы; семантика физического насилия.

«I WILL KILL YOU»: MENASIVE PREDICATES AS A TOOL FOR THREAT CONSTRUCTION IN NARRATIVE

The article undertakes a linguopragmatic analysis of menasive predicates as fundamental components of speech acts of threat within artistic discourse. This study examines the semantic-syntactic models of threat verbalization, alongside their pragmatic functions and significance in narrative structure. Special emphasis is placed on the dichotomy between threats-warnings, which aim to modify the addressee's behavior, and threats-punishments, which serve as retaliatory acts in response to prior actions. The research demonstrates that, while menasive predicates play a critical role in conveying intention, the effective realization of threats is contingent upon a confluence of factors, including syntactic structure, paralinguistic elements, contextual breadth, and character attributes. The study concludes with the observation that direct threats featuring explicit predicates typically manifest in conflicts exhibiting dominant power dynamics, whereas implicit strategies are more prevalent in alternative contexts.

Key words: menasive predicates; menasive utterances; speech act of threat; semantics of physical violence.

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью менасивных предикатов в идентификации речевых актов угрозы (далее – РАУ), а также необходимостью их комплексного анализа в широком контексте для точной интерпретации интенции говорящего и сложностью разграничения угрозы от смежных актов (предупреждение, обещание).

Цель исследования состоит в верификации угрозы через анализ семантико-синтаксических моделей с менасивными предикатами (на материале английского языка), с учетом их взаимодействия с контекстом.

Для достижения цели исследования в работе применяются следующие методы: семантико-синтаксический анализ структуры предложения, синтаксический анализ при определении структурного и коммуникативного типа предложения, контекстуальный анализ.

Менасивное высказывание представляет собой лингвопрагматический феномен, реализуемый посредством комплекса вербальных конструкций, объединенных общей иллокутивной целью – оказанием воздействия на адресата. Ядром данного речевого акта является декларация потенциальных негативных последствий или санкций, актуализируемая в случае невыполнения предъявляемого требования. Воздействие направлено на каузацию определенного поведения (совершения или прекращения действий) через активацию в когнитивном пространстве реципиента фреймов, ассоциированных с переживанием аффекта или психологического дискомфорта [1].

Подход к анализу РАУ предполагает выделение базовой семантико-синтаксической структуры, обычно реализующейся через условные конструкции с явным или имплицитным комиссивным (намерением причинить вред) и директивным компонентами. Поясним это на примере исходя из словарной дефиниции глагола *threaten* ‘угрожать’: *to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. if you do not get what you want* ‘сказать, что вы доставите неприятности, причините кому-то вред и т.д., если не получите то, что хотите’ [2]. Данное определение позволяет смоделировать высказывание со значением угрозы. Например, *I will cause trouble / hurt you if you do not do what I want* ‘Я причиню тебе вред, если ты не сделаешь то, что я хочу’. Дефиниция глагола *threaten* подтверждает, что в ситуации угрозы ожидаются как минимум два участника: адресант (говорящий) и адресат (слушающий). Подлежащее *I* ‘я’ выполняет роль семантического агента и соответствует коммуникативной роли адресанта, который является и исполнителем действия. Дополнение *you* ‘ты’ выступает в качестве пациенса и соответствует адресату – получателю угрозы. В придаточном условия подлежащее *you* является семантическим субъектом второй пропозиции. Двухкомпонентная структура угрозы реализуется через сложноподчиненное предложение с придаточным условия, двойственность менасива следует из комиссивной природы главного предложения и директивной – придаточного [3].

С точки зрения лингвопрагматики менасивы принято делить на две основные категории: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения. Согласно А.Н. Баранову, первый тип характерен для коммуникативных контекстов, где адресат совершил действие, противоречащее интересам и/или воле адресанта, что провоцирует последнего оповестить о неизбежности ответных санкций. Угроза-наказание семантически нацелена на то, чтобы вызвать у адресата страх наказания. В ситуациях с вероятностью рецидива она приобретает дополнительную превентивную функцию, а также может выполнять воспитательную роль, аналогично самому наказанию. Иначе обстоит дело с угрозами-

предупреждениями, которые используются в ситуациях, когда говорящий, предвидя потенциально нежелательные действия адресата, стремится вербально предотвратить их реализацию. Важно подчеркнуть, что угроза-предупреждение, в отличие от первого типа, относится к побуждениям (но остается косвенным речевым актом) [4].

Существенную роль играет анализ коммуникативной ситуации, поскольку, успешная реализация РАУ напрямую зависит от условий коммуникативной ситуации, под которыми понимается совокупность внешних обстоятельств взаимодействия. К базовым компонентам данной ситуации относятся: участники общения, их коммуникативные цели, средства и способы коммуникации, а также место коммуникации.

Несмотря на наличие широкого спектра экстралингвистических факторов, одним из барьеров для отнесения угрозы к какому-либо из классов является отсутствие у нее канонического перформативного выражения. В частности, глагол *угрожать* – один из ключевых репрезентантов класса менасивов – квалифицируется как квазиперформативный (т.е. не способен употребляться в форме первого лица в настоящем времени). Тем не менее нельзя полностью исключать возможность оформления угрозы перформативно через другие глаголы. Следовательно, необходимым представляется анализ конкретных маркеров – менасивных предикатов, обслуживающих разные иллокутивные модели угрозы. Анализ материала на английском языке позволяет выделить несколько классов менасивных предикатов:

1. Прямые предикаты причинения вреда. Глаголы прямо называют вредоносное действие (*to kill, to hurt, to smash* и т.д.). Угроза максимально эксплицитна, особенно в сочетании с модальными глаголами обязательства или будущего времени (*must, shall, will*).

2. Косвенные предикаты-предостережения. Глаголы описывают не действие, а его результат для адресата, часто снимая с говорящего прямую ответственность (*to regret, to be sorry, not to like* и т.д.).

3. Каузативные предикаты. Глаголы указывают на причинно-следственную связь: вред будет причинен не самим говорящим, но по его воле или вследствие его действий (*make you pay, have you killed* и т.д.).

4. Предикаты возможности/невозможности. Угроза реализуется через модальные конструкции, выражающие запрет или невозможность какого-либо действия для адресата (*cannot let, will not allow, not going to happen* и т.д.).

Анализ менасивных предикатов представляет особую ценность в силу их прагматической неоднозначности. Вне контекста высказывание лишено конкретной иллокутивной силы: например, фраза *You will be sorry* ‘Ты пожалеешь’ может функционировать и как угроза, и как упрек в соответствующей обстановке. Прагматический потенциал данных предикатов раскрывается только в конкретных условиях коммуникации и определяется такими факторами, как статус коммуникантов, предшествующий дискурс и т.д.

Задача верификации угрозы заключается в установлении соответствия высказывания ряду прагматических условий ее успешности: наличия у говорящего реальной возможности причинить вред, восприятия адресатом высказывания

как менасива и существования контекстуальных предпосылок для угрожающей интерпретации. Указанные условия успешности предполагают необходимость анализа менасивных высказываний в полноценном коммуникативном контексте, где все компоненты эксплицированы или легко восстанавливаются.

В фокусе настоящей работы находятся предикаты менасивного значения, представляющие собой семантически маркированную группу глаголов, выражающих интенцию причинения физического ущерба адресату. Выбор предикатов именно физической угрозы обусловлен их семантической определенностью и относительно четкими критериями идентификации в тексте, обеспечивая надежность верификации менасивного значения. Кроме того, подобные предикаты образуют ядро функционально-семантического поля угрозы, что позволяет на их основе выявлять синтаксические модели и прагматические стратегии, характерные для речевого акта угрозы в целом. К числу наиболее репрезентативных предикатов данной группы относится, в частности, глагол *to kill* ‘убивать’. Рассмотрим примеры.

(1) “*One more thing.*” *She leaned forward again so that her face was only a couple of inches from his. “If you ever touch me again, I will kill you. And that’s a promise.”* ‘И ещё кое-что, – Она снова наклонилась вперёд, так что ее лицо оказалось в нескольких дюймах от его. – Если ты когда-нибудь снова прикоснешься ко мне, я убью тебя. Обещаю’ [5].

Высказывание *I will kill you* представляет собой каноническую реализацию менасивного речевого акта с ярко выраженной структурой угрозы. Семантические роли напрямую соответствуют коммуникативным: в главной клаузе *I will kill you* ‘я убью тебя’ адресант однозначно занимает позицию агенса, инициирующего насильственное действие, а адресат становится пациентом – объектом воздействия. В условной клаузе *if you ever touch me again* ‘если ты когда-нибудь снова прикоснешься ко мне’ происходит временная инверсия: адресат маркируется как потенциальный агент нарушения запрета, что подчеркивает причинно-следственную связь между его действием и санкцией. Предикат *will kill* ‘убью’ выступает ядерным элементом высказывания, эксплицитно вербализующим интенцию физической расправы над адресатом. Условие, выраженное в придаточной клаузе, выполняет директивную функцию, устанавливая абсолютный запрет на действие, нарушение которого приведет к реализации санкции. Перформативный компонент *that’s a promise* ‘обещаю’ усиливает иллокутивную силу угрозы, придавая ей характер клятвенного обязательства и тем самым исключая возможность метафорической интерпретации. Прагматический контекст ситуации определяет данную угрозу как акт символического восстановления власти: адресант (Саландер), ранее бывшая жертвой насилия, демонстрирует полный контроль над адресатом (Бьюрманом) – *Lie rather still because this is the first time I’ve used this equipment* ‘Лежи неподвижно – я впервые пользуюсь этим инструментом’; *The message was written in caps over five lines that covered his belly, from his nipples to just above his genitals: I AM A SADISTIC PIG, A PERVERT, AND A RAPIST* ‘Надпись была выполнена заглавными буквами в пять строк, покрывающих его живот от сосков до самой линии гениталий: «Я – САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ИЗВРАЩЕНЕЦ И НАСИЛЬНИК»’. Языковые сред-

ства в описываемой коммуникативной ситуации максимально эксплицитны, а их прагматическая реализация подтверждается невербальными и паралингвистическими маркерами.

Примечательно то, что данное высказывание *If you ever touch me again, I will kill you. And that's a promise* пусть и направлено на предотвращение будущих действий адресата (злоупотребление его положением, действия насильственного характера по отношению к адресанту, а также к другим предполагаемым жертвам), в то же время во многом является реакцией на уже совершенные им противоправные действия. Однако мы склонны интерпретировать данное высказывание преимущественно как угрозу-предупреждение, поскольку его иллокутивная сила в большинстве своем направлена на модификацию будущего поведения адресата. Ключевым аргументом в пользу такой интерпретации выступает наличие у говорящего перечня требований, определяющих желаемые модели действий (*Each month you will prepare a report about your non-existent meetings with me* 'Каждый месяц ты будешь готовить отчет о наших несуществующих встречах'; *In a year or so, let's say two, you will initiate negotiations in the district court to have my declaration of incompetence rescinded* 'Год-два, ну пусть два, и ты инициируешь в районном суде пересмотр решения о моей недееспособности').

Противоположная ситуация наблюдается в случае угрозы-наказания, где коммуникативная интенция говорящего смещена с предотвращения будущего действия на реализацию акта возмездия за действие уже свершившееся. В отличие от условной структуры предупреждения, такая угроза обладает характерной чертой безусловности и часто функционирует как перформативная декларация неизбежной расправы.

(2) *Stand still, do not move! I gave you life, I will also kill you!* 'Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью' [6].

Анализируемый пример демонстрирует реализацию угрозы-наказания, что кардинально отличает его от условных предупреждений. Данное высказывание построено по принципу каузативной декларации: санкция представлена не как потенциальная возможность (т.е. сложноподчиненным предложением с придаточным условием), а как неизбежный и безусловный итог, следующий за уже совершенным проступком – предательством (*To think that you should be such a traitor! that you should betray your faith! betray your comrades!* 'Так продать? продать веру? продать своих?'). Семантика высказывания подчеркивает эту безусловность: императивные команды (*Stand still, do not move!*) функционально эквивалентны аресту, лишая адресата возможности избежать наказания, а антитеза *I gave you life, I will also kill you* актуализирует абсолютную власть адресанта над жизнью и смертью адресата. Предикат *will kill* 'убью' выступает здесь не угрозой будущего действия, а перформативной констатацией приговора, где адресант (Тарас) однозначно маркируется как агенс-каратель, а адресат (Андрей) – как пациент, лишенный права на выбор. Прагматически иллокутивная сила высказывания направлена не на модификацию поведения, а на реализацию возмездия, что подтверждается немедленным перлокутивным эффектом – приведением приговора в исполнение. Контекст (немедленный выстрел –

Taras fired ‘Тарас выстрелил’) снимает любую возможность метафорической интерпретации, превращая языковое действие в прямое физическое. Таким образом, высказывание функционирует как акт символического правосудия, где язык – инструмент обоснования уже принятого карательного решения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Менасивные предикаты, безусловно, выступают семантическим ядром и основным строительным блоком для вербализации прямой угрозы. Однако иллокутивная сила и перлокутивная успешность речевого акта угрозы как целостного действия конструируются на уровне нарратива – через синтаксические структуры, паралингвистическое сопровождение, предысторию персонажей и конкретные условия коммуникативной ситуации. В художественных текстах угроза реализует не только коммуникативную, но и ключевую сюжетообразующую и характеризующую функцию, выступая инструментом развития конфликта и раскрытия властных отношений между персонажами. Прямые угрозы с эксплицитными менасивными предикатами характерны для определенных типов персонажей (наделенных властью, готовностью к действию) и острых конфликтов, в то время как в иных контекстах доминируют имплицитные и косвенные стратегии вербализации агрессии. Таким образом, угроза предстает не как статичный речевой акт, а как динамический нарративный конструкт, чья форма и прагматическая функция детерминированы широким контекстом произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). М. : ИЯ РАН; Тверь: Твер. ГСМА, 2013. 165 с.
2. Oxford Dictionary [Electronic source]. London, 2000. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 12.08.2025).
3. Карчевски Р. И. Прагмакоммуникативные характеристики языковых средств выражения угрозы в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Карчевски Роман ; МГЛУ. Минск, 2005. 122 с.
4. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Диалог : ежегод. Междунар. конф. Москва : Изд-во РГГУ, 2013. Вып. 12 : Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Т. 1. С. 84–94. URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vollweb.pdf (дата обращения: 30.08.2025).
5. Larrson, S. *The Girl with the Dragon Tattoo*. Canada : Penguin Canada, 2005. 480 p.
6. Gogol, N. V. *Taras Bulba*. New York : Thomas Y. Crowell & Co, 1886. 308 p.